

Владимир Максимович Фриче

От войны к революции

Владимир Фриче

От войны к революции

«Public Domain»

Фриче В. М.

От войны к революции / В. М. Фриче — «Public Domain»,

ISBN 978-5-457-21939-7

ISBN 978-5-457-21939-7

© Фриче В. М.
© Public Domain

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

В. Фриче

От войны к революции

I

Для историка общественности нет сейчас более привлекательной задачи, как следить на основании публицистической и художественной литературы за тем, как постепенно из кровавого горнила империалистической войны зарождался – или вернее возрождался – в огненном ореоле бессмертный феникс революции.

Таких произведений не только публицистического, но и художественного характера уже и теперь довольно много во всех странах западного мира.

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание русского читателя, лишенного возможности читать книги на иностранных языках, на два романа, где этот процесс смены войны революцией или воинственных устремлений революционным возмущением изображен особенно и наглядно и художественно.

Оба романа принадлежат писателям с мировым именем.

В одном дан хорошо очерченный тип воинственного империалиста, в другом – монументальный образ пролетария – большевика. В обоих этих романах не мало места отведено русской революции, фактору первостепенного международного значения. В одном из них о России только говорится, во втором – в конце действие даже происходит в России (на крайнем Севере).

Один из этих романов принадлежит немецкому писателю Келлерману, другой – американскому писателю Синклеру.

II

Среди очень многочисленных произведений текущей немецкой литературы, рисующих рождение революции из политой кровью почвы войны, как перворазрядный художественный памятник выситя «Девятое Ноября» Келлермана, – роман, написанный таким же отчетливым почерком, с таким же мастерством, как и его всем известный «Туннель».

Германская империя вступила в пятый год войны. С каждым днем все мучительнее скажутся ее последствия. Население питается уж только репою да капустою. Дети рождаются без ногтей на пальцах и с размягченным черепом. Нарядная столица обезлюдела и опустылилась. На улицах почти нет движения. Лишь изредка пройдет с музыкой отряд отправляемых на фронт. Мало похожи солдаты на тех, которые выступили в день всеобщей мобилизации. Теперь берут стариков, больных и даже полукалек. Изредка проедет телега, запряженная тощим конем и управляемая женщиной. По ночам город погружен в кромешный мрак.

Впрочем, аристократия и буржуазия живут не хуже, чем до войны. К их услугам первосортные рестораны, куда простых смертных не пускают и где можно достать все, что угодно, от зернистой икры и до шампанского. Придворные круги устраивают бал-маскарады, тратя баснословные деньги на костюмы и угощение. У разбогатевших на войне спекулянтов всю ночь можно весело провести за игрой, вином и с женщинами.

Придворная и финансовая знать охвачена безумной жаждой наслаждения, – в предчувствии конца. Шопотом (ибо французский язык под запретом) передается из уст в уста старый лозунг гибнущего дворянства XVIII в. – *Après nous le deluge* – «После нас хоть потоп». В светских кругах воцарилось беспорядочное половое смешение. Светская дама – любовница заодно и отца, и сына. Кульминационный пункт светских праздников – появление на эстраде почти совершенно обнаженной балерины. За большим светом тянется чиновничья буржуазия. Барышни отдаются первому встречному, кто их может «устроить» – не выгорит дело с генеральским сынком, берут разбогатевшего спекулянта.

В эту безудержную вакханалию беззаботно-лихорадочного наслаждения то-и-дело врываются режущим диссонансом эпизоды и последствия войны: но веселящийся тыл спешит отмахнуться от ужасов фронта. В светском дворце бал-маскарад «Али-Баба и разбойники», все в восточном вкусе – обстановка, костюмы, даже танцы. Показывается гвоздь вечера – голая балерина. Бьет полночь. Танцовщица остановилась в соблазнительной позе... И вдруг мы на фронте. В лесу бухает батарея тяжелых дальнобойных орудий. В окопах – офицеры, среди них муж светской дамы, во дворце которой бал. С воспаленными глазами, с пересохшим горлом исполняют они свои служебные обязанности. Вдруг оглушительный грохот. Море огня. От живых людей остались одни клочки обуглившегося мяса... А во дворце нагая танцовщица снова задвигалась и бьет через край вакхический экстаз...

Правящая каста состоит из выживших из ума царедворцев-сановников – вроде тугухого лица, близкого к его величеству, или рейхсканцлера, очерченных легкими силуэтами, бросающими однако косвенно-яркий свет на самую касту, представителями которых они являются. Полным светом освещен лишь их военный коллега, генерал Хехт-Бабенберг,¹ типический представитель юнкерского класса, владелец больших поместий в Восточной Пруссии (одно из них он, впрочем, вынужден продать, даже для этих «избранных» жизнь становится непосильно дорога), империалист до мозга костей, завоевательные мечтания которого далеко оставляют позади даже официальную программу воинствующих националистов, и до мозга костей военный, в глазах которого человеческий род делится на командиров и на пушечное мясо, а для штатских профессий нет места в подлунной. В начале войны

---

¹ Хехт – значит «щука».

генерал командовал на фронте. В его секторе находилась, между прочим, высота, известная под названием высота «четырёх ветров». Генерал почему-то вообразил, что она ключ не только для сектора, которым он командовал, но и вообще чуть не всего зафронта. Он решил удержать ее во что бы то ни стало. Такой же точки зрения держался почему-то и французский генерал. Из-за обладания высотой и разгорелся адский бой. Генерал, однажды во время обстрела, поднялся наверх и, конечно, глазом не моргнул. Однако, вторично на этот подвиг он уж не отважился. Тем безжалостнее гнал он туда своих солдат. Целые батальоны взрывались на воздух. Высота стала ненасытным кладбищем. В генеральном штабе обратили в конце концов внимание на эту нелепую бойню. Высота вовсе не имела того стратегического значения, которое ей придавал генерал. Его перевели в тыл. Он приписал это интригам. Место дали ему, впрочем, в высокой степени ответственное. Работы было видимо-невидимо. Только при его пунктуальности военного человека можно было с ней справиться. Ровно в девять появлялся он на своем месте, ровно в час автомобиль отвозил его в ресторан и т. д., ровно в восемь вечера садился он дома за стол с детьми. Да, эти дети! Генерал не узнавал в них свой древний род.

Сын (Оттон) был на фронте ранен. Там он видел все ужасы бойни. Он вовсе не был трусом. Под ураганным обстрелом втащил он однажды в окоп раненого французского офицера. Он приехал в отпуск глубоко разочарованным. От бывшего «патриотизма» не осталось ничего. В победу германского оружия он не верит. Хочется одного только – наслаждаться. Девушку из буржуазной семьи, отдавшуюся ему в надежде устроиться, он бросил, чтобы стать любовником любовницы отца. На улице он жадно обнажает мысленно всякую проходящую женщину. Ехать на фронт ужасно не хочется. Собирая утром свои вещи он неосторожно выстрелил из револьвера и ранил себя в палец. Просто неосторожность! Так по крайней мере дело было представлено командующему. Таких позорных фактов не было во всей великой истории рода Бабенбергов!

А дочь! Руфь была сначала сестрой милосердия в госпитале, где плакала над муками раненых, потом оборудовала общественную столовую, где познакомилась с призванным студентом, социалистом-интернационалистом. В ее комнате отец находит такие книги, как сочинения Маркса, Лассаля. Впрочем, почему ей и не интересоваться учением социалистов, – ведь социал-демократы оказались славными ребятами и без прений вотировали все военные кредиты... Потом она часто стала пропадать. Ее видели на каких-то нелегальных собраниях. Он уже получал анонимные доносы. А однажды отец нашел на своем столе письмо – она навсегда ушла.

Распадаются старые связи, разлагаются вековые устои и принципы. Уж не пробил ли час кончины старого мира?

Однажды выходя из ресторана после обеда, генерал, пройдя несколько шагов, остановился как вкопанный.

Как? Это что? Он зашатался. Как? Возможно ли? Или там (по улице Вильгельма, где императорский дворец) съ ума сошли? Он явственно чувствовал, как почва под ним заколебалась. Возможно ли? В Берлине!? Под липами?! Краска выступила на его лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.